

ВОСПРИЯТИЕ БАЙКАЛА И СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПСИХОЛОГИИ ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ¹

А.Д. Карнышев (Иркутск)

В конце прошлого века автору данной статьи посчастливилось общаться на Байкале с тогдашним ректором Монгольского педагогического университета Чулуун-доржем. Когда речь зашла об особенностях восприятия природы представителями разных национальностей, он сказал: «Вы – русские, люди запада, вы никогда не поймёте восточного человека, у него совершенно другая психология. Например, монгол или бурят считают, что природа – его мать. Она выше человека. Последний – только один из представителей природы. Вся живая природа – это высшее». Споры по этой проблеме были довольно-таки острыми, но конкретных фактов не хватало, и они завершились общими рассуждениями.

Заинтересованность в данном вопросе побудила нас в 1994 г. при опросе жителей прибайкальских деревень включить в анкету о Байкале вопрос, касающийся рассматриваемых мировоззренческих позиций. В реальном, образном выражении их можно определить в трёх важнейших выражениях:

1. *Человек – ничем и никем не ограниченный преобразователь природы*, его предназначение – использовать её в своих прагматических интересах, изменять и совершенствовать её по своим замыслам («человек над природой»).

2. *Природа для человека мать* – он лишь один из элементов её гармонии и совершенства («природа над человеком»).

3. *Природа и человек едины в своём бытии и предназначении, их ни в коем случае нельзя противопоставлять* («человек в единстве с природой»).

Прежде чем приводить данные исследования 1994 г., отметим, что в 2004 г. мы в опроснике «Байкал» повторили общий вопрос о взаимодействии человека с природой. Сведём в таблицу результаты того и другого исследований (см. таблицу).

Прокомментировать таблицу можно в разных отношениях, мы же остановимся на следующих моментах.

Во-первых, данные 1994 г. (начало «постсоветского» периода) показывают, что установки бурят и русских были максимально сближены в связи с общими условиями жизнедеятельности и унифицированной направленностью идеологических институтов воспитания в социалистическом обществе.

---

¹ Статья была опубликована в № 21 за 2005 г.

Во-вторых, заметна динамика позиций по варианту ответа «человек в единстве с природой» по представителям обеих национальностей. Десятилетие развития демократических институтов в России совпало со временем обострения борьбы за защиту природы, которые вели представители разных общественных организаций. Именно понимание ущербности противостояния человека и природы, возможность его весьма негативных последствий привели, на наш взгляд, к такому существенному изменению экологических позиций у россиян.

В-третьих, таблица даёт право говорить об определённой *тенденции*, характеризующейся более выраженными темпами возвращения к традиционным «восточным» взглядам на взаимодействие человека и природы у бурят. Если вспомнить, что соответствующие тенденции у монголов, японцев, некоторых других азиатских народов являются давно установившимися реалиями, то можно предположить, что они, скорее всего, овладевают этническим самосознанием бурят. Последние два обстоятельства, как и результаты исследования в целом, показывают значимость этнопсихологического подхода к пониманию проблематики взаимодействия человека и природы.

**Оценка характера отношений между человеком и природой
у представителей разных национальностей**

Вариант ответа	Буряты		Русские	
	1994 г. (94 чел.)	2004 г. (52 чел.)	1994 г. (510 чел.)	2004 г. (271 чел.)
Природа над человеком	40,4	32,7	44,1	22,5
Человек в единстве с природой	27,8	57,7	23,9	57,6
Человек над природой	26,6	0,0	25,6	7,4
Затруднились ответить	4,3	9,6	6,4	12,5

То, что определённые объекты природы несут в себе национальный колорит, подмечено многими людьми. Так, довольно-таки распространены выражения «русская берёза» или «японская сакура», «канадский клён», причём такие понятия ничуть не отрицают значения и красоты этих деревьев в других странах. Более того, отдельные исследователи связывают духовное состояние некоторых народов со своеобразием их природной среды. Н.О. Лосский, известный российский философ и психолог, эмигрировавший из страны в 1922 г., писал по этому поводу: «Отличие от нашей душевной жизни окажется ещё более глубоким, если мы примем в расчёт, что государство – нация – состоит не только из социальной личности и подчинённых ей человеческих особей, но имеет ещё, как свой орган, и какую-либо территорию. Поэтому ландшафт в двух соседних национальных государствах имеет индивидуальную, отличающуюся друг от друга физиономию. Это резко бросается в глаза, например, при переезде из Германии во Францию» [4. С. 210].

Психологически интерпретируя данную философскую мысль, следует, по-видимому, сказать, что и восприятие особенностей природных ландшафтов несёт в себе определённую «масштабность» отражения окружающей среды, свойственную конкретному народу, привыкшему к опять-таки конкретным образам «своих» родных мест. Об этом красноречиво говорит восьмистишие японского поэта Торико Такарабе «Пролетая над Сибирью»:

Внизу немыслимый простор
Тайги – лесного океана,
Как много островерхих гор!
И все, должно быть, безмянны.
У нас – не то, моя страна
Иначе видится в полёте,
У всех пригорков – имена,
Любая кочка – на учёте.

Людам, привыкшим к положению, когда в окружающих ландшафтах «любая кочка на учёте», дорожке становятся милые сердцу картины, возрастает стремление тщательно оберегать их от разрушения и опустошения. Именно в этом, на наш взгляд, одна из причин благоговейного и трепетного отношения народов, имеющих незначительные территории, к своей земле. Японцы в ходе промышленного «бума» уже в 70-х гг. XX в. поняли его пагубное влияние на природу и человека и приняли экстренные и действенные меры по её защите. И то, что русские, осознавшие безграничность просторов своей страны, нередко бездушны и расточительны по отношению к окружающей флоре и фауне, также является некоторым следствием масштаба восприятия окружающего мира. Подспудная мысль «у нас всего и всем хватит» на уровне подсознания формирует психологию разбазаривания и транжирства природных ресурсов, отсутствия должной заботы о них.

Характер отношения человека к природе не может не нести на себе и некоторую окраску религиозных взглядов. Тот же «восточный человек» часто «замешан» на философии буддизма, а последний в качестве древней и самостоятельной конфессии всегда благословлял трепетное отношение к окружающей среде, учил своих адептов мирному сосуществованию и взаимопомощи между всеми живыми существами, минимальному причинению вреда любому из них. Первейшим грехом в буддизме считается необоснованное уничтожение всяческих земных «тварей», жестокое обращение с ними.

Своей психологией «встроенности» человека в природный мир отличались религия аборигенных народов и шаманизм, точка зрения которого на возможность происхождения человека от тотемного животного и соответствующий «обратный процесс», его обожествление отдельных

растений и сакральных мест работало, говоря современными понятиями, на эффективное экологическое сознание и поведение человека. На наш взгляд, вряд ли целесообразно относить приверженность к положительным шаманистским традициям только к коренным обитателям Сибири. Данные традиции и по сей день существуют в массовом сознании любого народа. Это можно проследить на примере «пришлых» в далёкие края людей. Конечно, первопроходцам, как иногда говорят – колонизаторам диких таёжных и степных мест, приходилось решительно вторгаться в девственность окружающего мира, осуществлять над ним определённое насилие. Это порождало психологию естественного господства человека над природой, вносило сомнение в понимание единства с ней. Но всё же некоторые политеистические взгляды русских и их определённый мистицизм (вера в леших, домовых, поклонение разного рода «волхвам») органично вплетались в шаманистско-экологические нормы исконных жителей Сибири: бурят, эвенков, тофаларов и т.д. Русские отдавали дань бурханам, почитали святые места аборигенов, бережно относились к тем объектам природы, которым они поклонялись. Данное взаимопроникновение обычаев, обрядов, верований положительно отражалось на отношении к природе.

Конечно, несколько специфичны позиции по вопросу со стороны христианской религии. Среди современных экологов нередко звучит выражение «библейское отношение к природе», которое в целом наполнено негативным смыслом. Дело, прежде всего, в том, что Бог, создавая объекты живой и неживой природы, определил человеку статус повелителя и потребителя животного и растительного мира на земле. «И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех чад земных по роду их. И увидел Бог, что *это* хорошо... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся на земле. И сказал Бог: вот я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя: вам *сие* будет в пищу. А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся на земле, в котором душа живая, *дал* я всю зелень травную в пищу. И стало так. И увидел Бог, что он создал, и вот, хорошо весьма» [Ветх. Зав. Бытие. Гл. 1. Абз. 25, 27–31].

Но и в христианстве всё было не так однозначно. Полностью подчинив живую природу человеку, Бог всё же оставил ему право и обязанность думать о последствиях собственной деятельности по преобразованию окружающей действительности. И это налагало свои особенности на поведение русского (и иже с ним) человека. При этом надо помнить, что православное христианство в своих истоках было соеди-

нено с древними культовыми обрядами и обычаями жителя стародавней Руси, которые были также «шаманистскими» в своей основе, и так же, как у аборигенных народов, имели позитивные взгляды на благодатное единство человека, бога и природы.

По-видимому, одно из первых зафиксированных свидетельств о влиянии природы Байкала на духовно-нравственные размышления о сути человеческого бытия надо отнести к религиозному лидеру раскольничьего движения Руси – протопопу Аввакуму. В описании своего трагического, подневольного путешествия в Сибирь в 1650-х гг. он отводит красотам Байкала заметное место: «Около его горы высокия, утесы каменные и зело высоки, – двадцать тысяч верст и более волочился, а не видал нигде таких гор. На верху их полатки и повалуши, врата и столпы, и ограда – все богоделанное. Чеснок на них и лук растет больше романовскаго и слаток добре. Там же растут и конопли богарасленные; а во дворах красны и цветны, и благовонны зело. Птиц зело много, гусей и лебедей, по морю, яко снег, плавает». Выразив свое впечатление, Аввакум обратился к философскому суемудрию: «А все то у Христа наделано человека ради, чтоб, упокояся, хвалу Богу воздавал. А человек суете который уподобится, дние его, яко сень, преходят, скачет, яко козел, раздувается, яко пузырь, гневается, яко рысь, съестъ хочет, яко змия, ржет зря на гужую красоту, яко жребя, лукавствует, яко бес, насыщаяся невоздержно, без правила спит, Бога не молит, покаяние отлагает на старость, и потом исчезает, и не вем, намо отходит – или во свет, или во тьму, день судный явит коегождо. Прости мя, аз согрешил паче всех человек» (выделено мной. – *А.К.*) [1. С. 40].

Философские размышления Аввакума на лоне Байкала о грешности и бесплодной брэнности человека высвечивают главный смысловой стержень его позиции: человек должен быть благодарен Богу за ту красоту и прагматическую ценность природных явлений, которые он ему дал; но одновременно каждый должен думать о божественном и природном естестве своего бытия, быть благодарным всевышней силе, не предавать божественной сути ради низменных повседневных потреб.

Читая и осмысливая данные рассуждения Аввакума, осознаёшь, что он отразил в них вековые мысли человечества об отношениях в триаде Природа – Бог – Человек, что особенно актуально для современной гуманистической мысли. Чтобы не быть голословными, обратимся к позиции литературного критика Стопфорда Брука, который, рассуждая о творчестве Вордсворта, писал: «Тот же, кто через страстную любовь к Природе отстранится от самого себя, заглянет в душу Природы и увидит её такой, как она есть, узрит Бога не только как личное, но и как безличное, не только как очеловеченного Бога, но и как выходящего далеко за пределы человеческого; и он поймёт, что существует бесконечная величественность, вечное спокойствие, великолепие порядка, красоты и разнообразия, чему он не осмелится дать имени или наделить человечески-

ми качествами, но он воистину поймёт, что это – действующая и любящая, мудрая и невыносимая сила. Наша современная теология остро нуждается в такой теории. Она бы смогла отказаться от бесконечного и болезненного акцентирования только на человеческом и позволила бы нам немного освободиться от самих себя» [3. С. 138].

Духовное созвучие рассуждений, которые разделяет почти трёхвековая история, ещё раз подтверждает, что человеку ни при каких условиях нельзя отходить от Природы и Бога, понимаемых прежде всего как ориентиры нравственного совершенства, возвеличиваться над ними, ибо это не может кончиться ни чем иным, как падением его самого. При этом нельзя не учитывать специфику этноконфессиональных взглядов на проблему. Возрождение таких взглядов, их разумная интеграция будут способствовать взаимопониманию разных народов в их подходе к экологическим реалиям.

Всё, о чём мы говорили выше, отражает наиболее общие позиции возможных вариантов этнического подхода в отношении человека к Природе и Байкалу. Но в психологическом исследовании никак нельзя уйти от некоторых «тонкостей» в восприятии окружающей среды, которые определяют особенности более глубинного, индивидуального её отражения. Философские установки в своём рождении обязаны скорее всего сенсорной восприимчивости конкретного человека к своеобразию флоры и фауны, им трудно, а подчас и невозможно «вызреть» на односложном, грубом, недифференцированном отражении действительности. Не случайно многие известные мыслители, показывающие тонкое проникновение в суть природных явлений, отличались одновременно изысканностью своих вкусов и чувств к прелестям природы. Но такие нюансы остаются до сих пор малоизученными в психологическом плане. В качестве иллюстрации индивидуальной утончённости восприятия мы остановимся на двух-трёх моментах, понимая, что это пока лишь *постановка вопроса* и она нуждается в дополнительной проверке на основе тщательных исследований.

Оговорим сразу тот момент, что этнопсихологическое исследование по проблемам Байкала замыслилось нами как широкий кросс-культурный анализ экологических взглядов и особенностей восприятия природы. Для этого был разработан опросник «Байкал», который в настоящее время переведён на четыре языка (английский, немецкий, японский, китайский) и в скором времени поступит соответствующая информация об исследуемых феноменах в отражении разных «субъектов», побывавших на берегах священного моря. Мы считаем, что избрание Байкала в качестве частного объекта восприятия и понимания для людей разных национальностей несёт в себе весьма важный «плюс»: оценкам подвергается некое единое природное явление со своими конкретными наблюдаемыми характеристиками. Позиции людей здесь будут более определёнными и однозначными, нежели в исследо-

ваниях, в которых оценивается «природа вообще», как нечто абстрактное, расплывчатое и неоднозначное для представителей разных этнических групп.

Поскольку цвет и цветовые гаммы играют значительную роль в осознании красоты и символики природы, обратимся к данной стороне вопроса. Согласно некоторым представлениям Макса Люшера и других психологов, по своему содержанию восприятие цвета должно быть адекватно у представителей разных национальностей. Но, как показывают современные данные, психофизиологическое отражение и восприятие различных цветов сформировано одинаково далеко не у всех народов, что находит подтверждение в языковых средствах. Обозначение цветов, как выяснили учёные, проходит определённую динамику развития у разных народов. Исследователи Берлин и Кэй, изучив 78 языков, пришли к выводу, что 11 основных цветов стали кодироваться в истории любого языка в фиксированном порядке, а стадии появления терминов представляют собой ступени эволюции языков: от закрепления в словах «белого» и «чёрного» до самых разных оттенков красного, синего цвета, зелёного цвета (см. [6. С. 76]).

В условиях Сибири хорошей иллюстрацией данным закономерностям служат наблюдения В.Л. Серошевского за цветовым восприятием якутов. Он писал, что для якутов трудно выучиться различать цвета. Даже интеллигентные якуты смешивают оттенки цветов. Особенно путают они голубые, синие, фиолетовые и зеленые. Для всей этой группы цветов у них есть общее название *кюох*, и хотя глаз их уже научается отличать зеленый от голубого и синего, но язык еще не выработал особого для него названия; фиолетовый все еще им не дается. Радуга (кустук) считается у якутов трехцветной (см. [5. С. 244]).

Различия в восприятии цветов встречаются даже у разных племен одного народа. Так, в языке верхнеколымских юкагиров нет названий зеленого и синего цветов; у нижнеколымских юкагиров обозначены зеленые и синие цвета, но нет слова «желтый»; у алазейских юкагиров встречаются слова «зеленый» и «желтый», но нет слова «синий». Исследователи считают этот факт свидетельством происхождения племен юкагиров от разных этнических предков.

Наша дипломница Е.Н. Мареева в своей работе «Влияние особенностей цветовых ощущений представителей этнических групп Восточной Сибири на восприятие рекламы» провела контент-анализ бурятских, русских и эвенкийских сказок на предмет выявления тех цветов, которые использовались народами для описания разных образов. Оказалось, что русские употребляли в сказках восемь названий цветов (располагаем их по частоте применения): красный, чёрный, белый, серый, зелёный, синий, жёлтый, голубой. Буряты в своих сказках применяли семь цветов в следующей последовательности: чёрный, красный, белый, синий, серый, зелёный, жёлтый. Эвенки для

разных описаний пользуются шестью цветами: чёрный, красный, белый, зелёный, синий, жёлтый, т.е. по сравнению с русскими отсутствуют голубой и серый цвета. В то же время эвенки различают цвета по яркости (интенсивности отражения света), поэтому в прямом переводе наблюдаются ассоциации с названиями цветов: серебряный, золотой, рыжий.

«Местные» примеры рассматриваемых учёными закономерностей восприятия цвета имеют прикладное значение. В частности, уверенно можно говорить о необходимости дифференциации цветовых оттенков рекламы, направленной на конкретные национальные «аудитории». И здесь надо иметь в виду не только продемонстрированные особенности восприятия цвета, но и, в большей степени, его символику.

Дело в том, что существуют также определенные культурные и национальные различия в смысловой интерпретации цветов. Специалисты исследовали влияние цвета на восприятие человека, ассоциации, вызываемые им в национальных средах разных стран. Оказалось, что цвет символизирует:

– *зеленый*: в Америке – надежду, в Китае – роскошную жизнь, в Индии – мир и надежду, в Малайзии он ассоциируется с тропической лихорадкой;

– *голубой*: в Америке – веру, в Индии – правдивость, в Китае – один из траурных цветов;

– *фиолетовый*: в Индии – печаль и утешение, в Бразилии – печаль;

– *белый*: в Америке – чистоту и мир, в Китае – подлость, опасность, траур; в Европе – молодость, непорочность.

Мы сделали попытку анализа данной проблемы на примере символики цветов у русских и бурят. На основе анализа соответствующей литературы и экспертного опроса были отобраны свыше 50 смысловых ассоциаций, которые вызывают те или иные цвета.

В нашем опроснике данный аспект отражался в трёх конкретных частностях восприятия цветов, которые: а) бросаются в глаза на Байкале; б) наиболее значимы для респондентов; в) лучше отражают символику Байкала.

В пределах нашей статьи остановимся на вопросе о цветах, символизирующих Байкал и тех основных ассоциациях, которые они вызывают у респондентов двух национальностей, влияя на рационально-чувственное, психологическое отражение образа священного моря.

Среди первых пяти цветов (свыше 30% ответов) респондентами в целом и по национальностям были выделены:

– голубой – 78,8% (у бурят – 80,8%, у русских – 81,9%);

– синий – 66,8% (у бурят – 75,0%, у русских – 67,2%);

– зелёный – 62% (у бурят – 71,2%, у русских – 63,1%);

– светло-зелёный – 39,4% (у бурят – 42,3%, у русских – 38,7%);

– белый – 31,4% (у бурят – 38,5%, у русских – 31,4%).

Поскольку для учёта в рекламной и экологической деятельности важны конкретные характеристики восприятия цветов и их символики, покажем их на примерах данных цветов.

Синий цвет, как и голубой, по мнению психологов, в первую очередь в своей символике навеян самой природой: прозрачная вода, чистое небо, линии горизонта. Его основные психологические свойства – успокоение и удовлетворение, как считается, лежат в основе таких вызываемых им ассоциаций, как освобождение (добровольный отказ) от желаний и действий, мир, спокойствие [2. С. 84].

В нашем опросе синий цвет на Байкале вызывает хотя и созвучные, но во многом своеобразные ассоциации у респондентов:

- холод – 17,8% (у бурят – 13,5%, у русских – 20,3%);
- мощь – 16,1% (у бурят – 13,5%, у русских – 17,0%);
- достоинство – 11,6% (у бурят – 13,5%, у русских – 11,1%);
- мир и согласие – 8,2% (у бурят – 3,8%, у русских – 8,9%);
- стабильность – 8,2% (у бурят – 5,8%, у русских – 8,9%);
- покой – 7,1% (у бурят – 11,5%, у русских – 5,9%).

Психологическое ассоциирование Байкала с синим цветом вполне понятно. Те, кто видел, как «штилевой» Байкал в связи с поднимающимся ветром становится сердито-синим, какие синие островерхие горы поднимаются к небу на его берегах – тот хорошо понимает ассоциацию слова «мощь» с синим цветом. А достоинство, точнее его ощущение на берегах священного моря, желание жить в стабильности, мире и согласии – это неперенные чувства, посещающие нас на Байкале.

Считается, что символика *зелёного цвета* основана на психологическом ощущении внутренней силы и равновесия, слияния с Природой. Этот цвет повышает тонус и успокаивает, создаёт ощущение отдыха, вызывает чувство удовлетворённости.

В нашем опросе зелёный цвет занимает второе место после голубого по значимости и своей впечатляемости в гамме цветов Байкала, но как символ священного моря он уступает синему, стоящему на втором месте. Но в целом приоритет зелёного с его оттенками больше выражен у бурят – людей, в силу своих традиционных деятельности находящихся ближе к природе. Ассоциации, которые в большей мере вызывает зелёный цвет, у представителей этносов следующие: у бурят – покой (15,4%), равновесие (13,5%), оптимизм (11,5%), жизнелюбие (11,5%); для русских символика цвета близка к указанной, но всё же отличительна: жизнелюбие (15,9%), мир и согласие (11,8%), равновесие (9,6%), достоинство (8,9%). В *светло-зелёном* варианте цвет вызывает ассоциации нежности, доброты (больше выражены у русских) и лёгкости (сильнее выражена у бурят). Если обратиться к конкретным образам природы, например «кедры и сосны, любующиеся на себя в воды Байкала», «изумруды байкальских струй», то именно они отражают квинтэссенцию зелёного цвета.

Особо можно выделить этническую символику жёлтого цвета. Она выражена следующим образом:

- *роскошь*: у бурят – 13,5%, у русских – 4,4%;
- *мир и согласие*: у бурят – 13,5%, у русских – 4,1%;
- *ясность*: у бурят – 11,5%, у русских – 6,6%;
- *лёгкость*: у бурят – 11,5%, у русских – 6,3%.

Два первых символа, на наш взгляд, могут иметь достаточно простое объяснение. Для бурят жёлтый цвет – это прежде всего цвет буддийской религии: он освящен ею. Более того, ламы Востока обычно рядились в жёлтые одежды. А буддизм всегда проявлял себя в качестве миролюбивой концепции, зовущей к терпимости и согласию между всеми живыми существами. Вместе с тем звание ламы в жёлтых одеждах всегда ассоциировалось с богатством, многие культовые служители буддийской религии в бурятских родах и племенах, в религиозных дацанах были материально хорошо обеспеченными людьми.

Таким образом, даже краткий анализ особенностей восприятия некоторых цветовых образов и цветовой символики наводит на мысли о некоем этническом своеобразии отношения к окружающему миру, о том, что в казалось бы одинаковых картинах природы немалое количество этнических представлений имеют свои специфические детали и нюансы. Мы уже не говорим о восприятии цветового фона и гаммы цветов, здесь опять-таки можно найти уникальность отражения и осмысления, но это требует дополнительных исследований.

Обосновывая необходимость этнопсихологического подхода к изучению проблем отношения к природе в целом и к Байкалу в частности, рассмотрим ещё один возникающий резонный вопрос: что даёт такое изучение людям, «стоит ли овчинка выделки» и можно ли с практической выгодой использовать его результаты. Попытаемся каким-то образом осветить эти моменты.

Во-первых, этнопсихологический подход уточняет и расширяет историю становления мировой экологической мысли, показывает этапы и особенности развития её не только в общих тенденциях, но и в их конкретных национально-культурных вариантах, что, вне всякого сомнения, обогащает любую теорию.

Во-вторых, такой подход приводит к пониманию разнообразия отношений человека к природе, своеобразного «плюрализма экологического сознания» при единых общечеловеческих позициях и критериях. При этом очень важно возникновение осознанности, что не только в психологическом осмыслении, но даже в восприятии внешних атрибутов окружающей среды есть своя специфика.

В-третьих, при анализе многогранного и многостороннего влияния природы на людей всегда можно обнаружить факты, когда детали и нюансы образов и ассоциаций представителей других этносов, например о прелестях тайги, рек, озёр или байкальских берегов, осмыслива-

ются, в чём-то заимствуются членами «моего» этнического сообщества. Положительный эффект такого заимствования может быть налицо: не только видение своеобразных оттенков окружающих природных явлений, но и обогащение собственного внутреннего мира новыми, оригинальными впечатлениями и образами, его более красочная расцветка неожиданными и привлекательными ассоциациями. Богатство образов внешнего и внутреннего мира представителей другого народа становится «моим», как и своеобразие моих разноплановых ощущений может получить своё воплощение в психике «других» – такова самая желанная динамика взаимодействия разнообразного мира природы и разноликого мира людей.

Последнее размышление наталкивает на мысль об использовании этнопсихологической информации в практических целях в области экологического туризма. Остановимся на одном злободневном и своеобразном примере. В журнале «Гео» на немецком языке опубликованы статьи из серии «Путешествие по Сибири»: «В царстве духов, богов и шаманов» и «Знаешь ли ты страну, где цветут ледяные узоры» (автор – Andrea Bohm). Названные публикации хорошо иллюстрируют то специфическое стереотипное восприятие и тот интерес, которые наблюдаются у немцев (конечно, не только у них) к природе наших мест и его жителям. Приведём некоторые оригинальные высказывания об этом (перевод Н. Васильевой). «Метафорически Сибирь обозначает “окраину земли” или, точнее говоря, окраину Европы. С одной стороны, там живут забытые богом люди на этой земле, и цивилизация так далека отсюда, как нигде в другом месте. С другой стороны, именно эта окраина земли подаёт большие надежды». «Сибирь большая, холодная, пустая и, несмотря на это, Сибирь – это возжеленная мечта каждого немца, это одно из тех мест на земле, которое немец непременно хочет посетить». «Сибирь считается в современной цивилизации убежищем, неисполненным притягательной привлекательностью, местом, где сохранилось понятие человечности, как один из последних нетронутых уголков земли». «Даже влияние таких событий, как переселение русских немцев, военнопленных, не способно омрачить образ Сибири в сознании немцев. Как это ни парадоксально, но бывшие немецкие военнопленные сохранили вполне позитивные воспоминания о Сибири. Многие до сих пор ощущают на себе её влияние, рассказывают о своих впечатлениях, о русской сплочённости и о том, как мирное население помогало выжить» (см.: «Гео». 2005. Март. С. 80–108).

Обобщая и развивая высказанные позиции немецкого автора, подчеркнём прикладное значение этнопсихологического подхода в области развивающегося быстрыми темпами международного туристического бизнеса.

Туризм – это сфера, в которой необходимо учитывать по меньшей мере три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это выделение в тури-

стических «объектах» тех самобытных национальных компонентов, которые могут стать предметом интереса и особого внимания среди туристов из разных стран (приведённые высказывания немцев хорошо иллюстрируют это). Во-вторых, при приёме конкретных туристических групп необходимо знать специфику их национальных запросов, претензий и требований в подаче услуг, чтобы максимально лучше обеспечить обслуживание клиентов. В-третьих, для российского туристического бизнеса остро стоит вопрос о правильном, толерантном общении с представителями разных стран, об учёте их коммуникативных и лингвистических особенностей. В свою очередь, аналогичными этническими навыками должна обладать и «приезжающая сторона». Обеспечить должным образом каждый из трёх названных нюансов можно лишь на основе этнопсихологических исследований.

Любой научный подход должен развивать связь теории с практикой, внутренних позиций с реальными делами. И в этом плане этнопсихологический анализ помогает увидеть у каждого народа эффективные традиции, обычаи, привычки и навыки, посредством которых он, этот другой народ, эффективно защищает свою природную среду, обеспечивает её благополучие, развитие, украшение. Остановимся опять-таки на примере отношения к природе в Германии – стране со специфическими этнокультурными установками, острее воспринимаемыми в связи, как мы говорили выше, с незначительными (по сравнению с Сибирью) масштабами её территории. В статье «Они и мы» Б.В. Раушенбах показывает некоторые экологические традиции современных немцев, на которых, как он утверждает, они буквально помешаны: «Стремление сохранить природу, её первозданность принимает совершенно необычные, порой, казалось бы, гипертрофированные формы» (см. [7. С. 199]). С интересным подтверждением данного факта встретила наша аспирантка Н. Васильева при апробации перевода опросника «Байкал» на немецкий язык. Женщина-немка, рассматривая варианты ответов на задание («Постарайтесь, пожалуйста, оценить объективно своё отношение к природе»), сказала, что все варианты ответов, кроме первого («Искренне восхищаюсь природой, всемерно стремлюсь заботиться о ней»), будут совершенно не понятны для жителя Германии (а среди вариантов, к примеру, был такой, рассчитанный на россиянина: «Природу люблю, но без особых восторгов и желаний улучшать её»).

Б. Раушенбах приводит некоторые примеры трепетного отношения к окружающему миру: в Германии уже никто не пользуется одноразовыми вещами, потому что их надо потом, как всякие отбросы, перерабатывать, а это удар по природе. Поэтому вновь перешли на стеклянные стаканы, бутылки и тарелки, которые можно многократно мыть и полоскать. Здесь не выпускается больше некоторых типов пластмассовых бутылок, а пластмассовые мешочки, хотя и сохранились, *но на них пишется (!)*, что они «предназначены для многократного пользова-

ния и, пожалуйста, из соображений экологической культуры просим Вас не выбрасывать данную авоську, а пойти с ней за покупками второй, третий, четвёртый раз» [Там же. С. 200, 202]. Как таких простейших мер не хватает на Байкале и в целом у российских жителей!

Заканчивая перечень плюсов в этнопсихологическом подходе к рассмотрению и анализу проблем окружающего мира, природы и Байкала, подчеркнём, что национально ориентированный взгляд не может не учесть толерантности, терпимости к различию этнически обусловленных личностных позиций не только к природе, но и ко всему своеобразию человеческой жизни. «Я не могу видеть окружающий природный и социальный мир точно таким же, как его видит «другой». Но я могу и должен принимать и понимать любые различия в восприятии и интерпретации увиденного как неизбежные, естественные и даже обязательные», – в этом суть формируемой самой природой человеческой толерантности. В ней несхожесть становится точкой отсчёта, причём точкой, максимально положительной, поскольку она стремится на разнообразии, неоднородности, пестроте взглядов строить единство людей. Отсюда весьма важный факт: отношение к природе может стать объединяющей силой (и этот процесс мы уже видим в цивилизованных странах на примере «зелёных») межнационального согласия, фактором, который снимает барьеры непонимания между людьми.

Литература

1. *Житие* протопопы Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 336 с.
2. *Бреслав Г.Э.* Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб., 2000. 212 с.
3. *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. М.: Наука, 1988. 303 с.
4. *Лосский Н.О.* Мир как осуществление красоты. М.: Традиция, 1998. 416 с.
5. *Серошевский В.Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
6. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект-Пресс, 2004. 368 с.
7. *Этнопсихологические* проблемы вчера и сегодня: Хрестоматия. Минск: Харвест, 2004. 496 с.